

Лиля Снежная
Искра между мирами
Серия «Наследница
двух кровей», книга 1

<https://litres.ru/73982849>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ася — девушка с красным дипломом и пустым кошельком. Пока она мыла посуду, мир Эльтаниор звал её. четыре стихии проснулись в ней . Три месяца до экзамена в Академию магии. Наставники учат контролю. Но Ася не только учится — она строит будущее. Пространственный камень заполняется панелями, пельменями, семенами, книгами. Магия не отменяет уют. Кто-то идёт по следу. Шёпот преследует. Тайны спутников глубже лесов. Ася готова: магия — это не сила. Это выбор. Слышать. Доверять. Идти. Даже если путь ведёт через портал с посудой, рыжим котом и единорогом, который обижается на любопытных. Она не герой. Она — человек. И это её сила.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	17
Глава 3.	28
Глава 4.	37
Глава 5.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Искра между мирами

Глава 1.

Печать, конверт и ночь, которая не спрашивает разрешения.

На улице стояла ранняя весна, но ветер всё ещё нёс в себе зимнюю колкость, цепляясь за полы пальто и заставляя прохожих кутаться в воротники, как будто зима забыла забрать свои вещи и теперь ходила по району с чемоданом. Небо затянули тяжёлые, низкие тучи, свинцово-серые, нависшие над панельными коробками домов так низко, что, казалось, стоит поднять руку, и пальцы уткнутся в сырую вату облаков. Моросил мелкий, противный дождь, который не лил, а просто висел в воздухе, пропитывая одежду холодной сыростью, превращая асфальт в тёмное зеркало, отражающее неоновые вывески, ржавые козырьки подъездов и выцветшие рекламные щиты. Домой не хотелось. У бабы Ины опять муж напился — не хотелось слушать, как они ругаются сквозь тонкие гипсокартонные перегородки, как дребезжат дверные ручки и как по коридору разносится запах перегара, дешёвого одеколona и безысходности. Репертуар я знала наизусть, как школьную программу: сначала приглушённое «ты мне жизнь испортила», потом переходящее в крик «я тебя в гроб уложу», и финал, неизменный, как гравитация: «а

где мои триста рублей». Спектакль шёл с переменным успехом, зрители не аплодировали, билеты никто не покупал. Я просто проходила мимо, стараясь не смотреть на щель под дверью, где мелькал жёлтый свет тусклой лампы. В приюте научили: если не можешь остановить шум — стань фоном. Стань тенью на стене. Стань тем, кого не замечают. Или тем, кто просто умеет проходить мимо, не цепляя взглядом чужие проблемы. Как я устала бегать на собеседования. Уже год хожу по кабинетам с папкой, в которой лежит красный диплом, три грамоты за олимпиады и рекомендация от научного руководителя, который до сих пор верил, что я стану инженером-экологом, буду проектировать очистные сооружения, спасать реки, менять мир к лучшему. Но слышу одно и то же, как заевшую пластинку в старом кассетном магнитофоне: «Красный диплом, конечно, впечатляет, но у вас нет опыта». Откуда взяться опыту, если не берут? Это как требовать от курицы яйцо, не дав ей зерна. Или просить лодку плыть против течения, не дав ей вёсел. Круг замкнут. Как и моя зарплата в ресторане «Орхидея»: ровно на еду, проезд, оплату общежития и один раз в месяц — на нормальный кофе в бумажном стаканчике, который я пью, глядя в окно на серые фасады и воображая, что я не официантка, а герой фэнтези, который спасает королевства, а не протирает столы после корпоративов. Правда, в моём фэнтези герои не моют подносы до трёх ночи. И не считают сдачу с людей, которые оставляют чаевые мелочью и обещанием «вернусь

завтра», будто это магическое заклинание, способное исцелить их кошельки. Мне бы просто выспаться после ночной смены. Но не дадут ведь. Комендант уже стучит в двери с проверкой «не курите ли вы, девочки, на балконе». Хотя у нас балконов нет. Только форточки, которые открываются на два сантиметра и сразу заедают от старой краски, облупившейся ещё при Брежневе. Зато есть Wi-Fi. Правда, он ловит только в коридоре, рядом с розеткой, и то если встать на одну ногу, прижаться спиной к холодной стене и мысленно попросить. Стены общежития были покрыты слоями обоев, каждый из которых принадлежал другой эпохе: зелёные с ромбами, бежевые с цветами, полосатые, пожелтевшие от табачного дыма и времени. Линолеум в коридоре вздулся волнами, края закрутились, обнажая чёрную битумную основу. На лестничных клетках висели старые пожарные щиты с поблёкшими надписями, стеклянные витрины которых треснули от случайных ударов или просто от старости. На стенах красовались следы от скотча, которым когда-то крепили расписания, объявления о пропавших котах и призывы «экономить воду», который никто не соблюдал, потому что краны всё равно текли, как будто в них жили грустные водопады. Я остановилась у подъезда, стряхивая с зонта капли. Мелкий дождь превращал асфальт в кривое зеркало. В нём отражались потрескавшиеся балконы, ржавые решётки, провода, сплетённые в хаотичные узлы над головой, и выцветшая вывеска ларька у остановки: «Продажа носков и надежды».

Носки были. Надежда — по акции, последняя пара, размер не мой. Ключ щёлкнул в замке тяжело, будто металл устал держать оборону. Лестница пахла мокрой штукатуркой, старым линолеумом и чем-то кислым

— то ли от протёкшего мусоропровода, то ли от жизни, которая здесь оседала слоями, как дорожная пыль после ливня. На втором этаже, как по расписанию, грянул голос бабы Ины. Я ускорила шаг, стараясь не смотреть на щель под её дверь, из-под которой тянуло табачным дымом и остывшим борщом. В приюте научили: если не можешь остановить драку

— пройди мимо. Если не можешь пройти мимо — сделай вид, что ищешь ключи. У меня всегда были ключи. И всегда не те. Моя комната. Двенадцать квадратных метров. Окно на север, за которым виднелась кирпичная стена соседнего корпуса, покрытая граффити, выцветшими от дождя и солнца. Стол у стены, покрытый царапинами и следами от горячих кружек. Кровать под окном, матрас прогнулся в центре, пружины жалобно скрипели при каждом повороте, напоминая мне, что даже мебель здесь устаёт быстрее, чем я. Шкаф, в который не помещается зимняя куртка, но отлично помещается моё ощущение, что жизнь меня просто забыла на полке, завалила старыми билетами на автобус, чеками из супермаркета и учебниками, которые я так и не успела сдать в макулатуру. Государственное общежитие. Выделили после выпуска, когда стало ясно: в городе жилья нет, родители не остави-

ли ничего, кроме диплома с отличием и привычки работать без сна, глотать кофе на бегу и улыбаться, даже когда внутри всё сжимается от усталости. Я скинула туфли, повесила промокший плащ на ржавый гвоздь, вбитый в косяк двери, и упала на кровать. Потолок смотрел на меня знакомыми трещинами, похожими на русла рек на старых картах. Закрыла глаза. В ушах всё ещё звенело от ночной смены: звон посуды, смех посетителей, монотонное «ваш счёт, пожалуйста», гул промышленной вытяжки, от которой до сих пор пахло чесноком и пережаренным маслом. Я хотела просто выключиться. Отключить мозг. Но тело не сдавалось. Грудь сдавливало странное, тупое давление, как будто внутри закипал чайник, а крышку нечем прижать. Не боль. Не спазм. Просто... фон. Низкочастотный, ровный, как вибрация старого холодильника в соседней квартире, как гул трансформаторной будки за углом. «Гастрит,

— подумала я, прижимая ладонь к солнечному сплетению.

— Или нервы. Или и то, и другое. Или я всё-таки героиня фэнтези, и это пробуждение силы. Тогда хотя бы магия будет бесплатной. А то у меня даже на обезболивающее не хватает. Если это магия, надеюсь, она умеет платить по счетам и не требует медицинской страховки». На подоконнике стояла герань. Купила за сто рублей на рынке у бабушки в клетчатом платке, рядом с прилавком, где продавали маринованные огурцы в трёхлитровых банках и сушёные травы в

бумажных свёртках. Надеюсь, что хоть что-то будет живым. Чахла. Листья желтели, скручивались. Земля превратилась в камень, покрытый тонкой коркой соли от жёсткой водопроводной воды. Сейчас, открыв глаза, я замерла. Герань стояла ровно. Листья тёмно-зелёные, упругие, покрытые мелкими каплями конденсата. Стебель выпрямился, будто его аккуратно подвязали невидимой нитью. Земля влажная, тёмная, пахнущая сыростью и чем-то зелёным, живым.

— Видимо, перестаралась с поливом, — пробормотала я, не поднимаясь. — Или она научилась собирать влагу из воздуха. Или я наконец доросла до уровня «комнатные растения боятся меня». В приюте тоже был цветок. Кактус. Он выжил, когда я уехала. Значит, у меня талант к ботанике. Или к безразличию. Легла обратно. Сон не шёл. В голове крутились обрывки, которые я всегда старательно прятала в дальний ящик памяти: странные сны с детства, где я падала в небо, а не вниз; сквозняки, меняющие направление, когда я входила в комнату; цветы в аудитории, тянущиеся к моей парте на экзаменах; стёкла, трескавшиеся в ладонях зимой, когда я нервничала. Всё списывала на совпадения. На нервы. На то, что мир просто не очень аккуратный. За окном дождь усилился. Капли застучали по подоконнику чаще, оставляя на стекле размытые полосы, по которым сползала уличная пыль. И вдруг, сквозь шум, я услышала шёпот. Тихий, многоголосый. Не в ушах. В голове. *«дочь двух кровей печать треснула они придут»* Я прижала ладони к ушам.

Шёпот стих. Остался только дождь. И моё собственное состояние, сбивчивое, частое. — Ладно, — сказала я в пустоту, чувствуя, как голос дрожит. — Если вы придёте, хотя бы предупредите заранее. А то я в пятницу работаю до двенадцати, в субботу — генеральная уборка, в воскресенье пытаюсь выспаться. У меня график. И смена не переносится. Если вы фэнтези-курьеры, у вас должен быть пропуск и хотя бы базовое знание трудового кодекса. Ночь прошла без сна. Я лежала, глядя в потолок, пока серость за окном не сменилась свинцовым рассветом. Свет просачивался сквозь шторы, оставляя на полу длинные, размытые полосы. И тогда под дверь проскользнул конверт. Плотный. Тяжёлый. Цвета старого пергамента, с лёгким золотистым отливом по краям, будто его окунули в расплавленное золото, а потом быстро остудили. Без марки. Без адреса. Только моё имя, выведенное чётким, уверенным почерком, чернилами, которые чуть блестели на свету: *Ася*. Я подняла его. Бумага холодила пальцы. Внутри лежал один лист. Текст был написан на языке, которого не существует. Сплетение линий, завитки, точки, напоминающие древние руны или схемы электрических цепей. Но я прочитала. Не глазами. Внутри головы слова сложились сами, как пазл, который давно ждал своей детали. **«Печать лопается. Мы идём за тобой. Не открывай дверь первым».** Я уронила лист. Он лёг на пол тихо, без шелеста. В коридоре раздался шаг. Потом второй. Тяжёлые. Чужие. Не тапочки бабы Ины. Не комендант в резиновых шлё-

панцах. Чьи-то ботинки на толстой подошве остановились у моей двери. Стук. Три удара. Ровные. Без спешки. Без требования. Просто факт. Я посмотрела на конверт. На дверь. На свои руки, на которых ещё остались следы кухонного жира и запах моющего средства. — Ну вот, — выдохнула я, чувствуя, как внутри сжимается пружина. — Сначала ипотеку не дают. Потом работу. Потом нормальный сон. А теперь ещё и фэнтези-курьеры. И ведь наверняка без чаевых. Если они хотят меня забрать, пусть хотя бы оставят расписку. Или чайник. Я люблю чай. Я не открыла дверь. Я просто натянула куртку, сунула конверт во внутренний карман, проверила, плотно ли застёгнут замок на сумке, и вышла через окно первого этажа. Рама поддалась неохотно, краска обсыпалась на подоконник белыми хлопьями. Я спрыгнула на мокрую траву, обогнула угол дома, где стояли ржавые мусорные контейнеры, и пошла к остановке. Потому что если мир решил меня спасти, он мог бы хотя бы подождать, пока я получу зарплату. Потому что если за мной пришли те, кто говорит на языке теней, они точно не поймут, что такое «смена до закрытия». Будильник в телефоне заорал ровно через два часа. Резкий, механический, безжалостный. Я открыла глаза в автобусе, едва успев задремать. Тело ныло, будто я пробежала марафон в полной экипировке, а не проспала двести минут, сидя на жёстком сиденье, обитом синтетической тканью, потёртой тысячами пассажиров. Сон был короткий, тяжёлый, без снов. И этого хватило, чтобы голова переста-

ла гудеть. Я вышла у парка, прошла мимо касс с решётчатыми окнами, мимо турникетов, мимо будки охранника, где за стеклом мигал синий экран старого монитора, к служебному входу «Орхидеи». Ключ щёлкнул. Баба Ина спала. Муж отрубился. Лестница пахла сыростью. На подоконнике третьего этажа один из трёх засохших кактусов вдруг вытянул новый, бледно-зелёный побег, тонкий, как нить. Я отметила это про себя. Не удивилась. Просто запомнила. Ресторан встречал привычным гулом: гудят холодильники с стеклянными дверцами, за которыми стоят бутылки с напитками, шипит кофемашина, выбрасывая пар, бармены пересчитывают стаканы, протирают столешницы из искусственного камня, полируют медные ручки шкафов. Вечером — корпоратив. Сто двадцать человек. Алкоголь, тосты, живая музыка. Моя задача: накрыть столы, проверить лёд в охладителях, расставить приборы, к восьми быть в форме, улыбаться, разносить, убирать, кивать, не путать аллергены, не ронять подносы. Стандартная ночь. Стандартная выживалка. К четырём зал был готов. Я села в подсобке на ящик с салфетками, достала бутерброд. Ела медленно. Телефон молчал. Ни ответов от HR, ни писем с отказом. Только пустота. И растущее чувство, что эта пустота — не конец, а передышка. В шесть началась подготовка. Я полировала бокалы. Стекло холодное, прозрачное. Поднесла один к свету лампы. На миг в отражении увиделась не я, а другая: с распущенными волосами, в тёмной ткани, с глазами, в которых горел тихий, ровный огонь. Я

моргнула. Отражение вернулось. — Окей, — сказала я бокалу.

— Ты сегодня тоже глючишь. Или я. Если ты покажешь мне, как исчезать, когда начальник зовёт на переработку, я куплю тебе чистящее средство премиум-класса. В семь тридцать пришли гости. Зал ожил. Я взяла поднос, вышла. Улыбка. «Добрый вечер». Кивок. Проход между столами, заставленными хрусталём и свечами в стеклянных колбах. Возврат на кухню. Поток. Автоматизм. И тут запахло гарью. Тонко, почти незаметно. Потом резко, едко, бьющий в нос. Кто-то крикнул. Грохнул металл. Посыпались ругательства. Я отставила поднос, распахнула дверь на кухню. Огонь уже лизал вытяжку из нержавеющей стали. Кастрюля с раскалённым маслом перевернулась, пламя поползло по стенкам, задело полотенца, свисавшие с крючков. Дым густой, чёрный, клубами поднимался к потолку, где висели вентиляционные решётки. Повара метались. Один рванул огнетушитель — баллон заклинило. Второй попытался накрыть пламя мокрой тряпкой —

отскочил, опалив рукав. «Газ,

— промелькнуло в голове. — Баллон у стены. Если нагреется» Я не думала. Просто побежала. Тепло ударило в лицо, как стена. Жар обжигал лёгкие, дым слезил глаза. Схватила огнетушитель, дёрнула чеку. Не вышло. Сжала рукоятку. Металл не поддавался. В груди дёрнулось. Метка под ключицей вспыхнула. Не болью. Импульсом. Резким, как удар

тока. Я бросила огнетушитель. Вытянула руки. Мир замедлился. Физически. Пламя замерло. Дым повис. Звук криков приглушился, будто я нырнула под воду. Я чувствовала жар на ладонях, но не ожог. А давление. Внутри что-то распрямилось, как пружина, которую десятилетия держали в тисках. Ладони пошли вперёд. Водопроводные краны рванули сами. Струи вырвались, но не хлынули вниз. Они поднялись. Свернулись в воздухе, сплелись в полусферу над очагом. Вода висела, дрожа, переливаясь отблесками пламени. Жар столкнулся с прохладой. Пар взвился. Пламя зашипело, сжалось, погасло. Я стояла, вытянув руки. Ладони дрожали. По пальцам бежали мурашки. В горле пересохло. Колени подкосились. Купол дрогнул. Вода рухнула вниз. Пар рассеялся. Звук вернулся: кашель, ругань, шаги, лязг металла. Я упала на колени, уперлась ладонями в мокрый кафель. Дышала часто. Грудь горела внутри. Метка пульсировала так сильно, что я слышала этот стук. Или это было сердце. — Ася! Ты как?! — Ленка влетела на кухню. — Что ты натворила?! Где огнетушитель?! — Заклинило, — прохрипела я. — Я просто оттолкнула пламя. Руками. Вода сама — Сама? — Она посмотрела на лужи, на обугленные коробки. — Ты что, огнетушитель кинула? Ты в сознании?! Я кивнула. Встала. Ноги держались с трудом. Через десять минут прибежал техник. Проверил камеры. Камера над плитой показала снег. Потом чёрный экран. Потом нормальную картинку, но с трёхсекундным разрывом. «Глюк системы, — про-

бормотал он. — Бывает от скачков напряжения. Ладно, всё потушено. Работаем дальше.» Я вернулась в зал. Улыбалась. Разносила. Кивала. Но руки были ватными. К десяти вечера попросилась в подсобку. Ленка махнула рукой. Закрыла дверь. Села на ящик. Выдохнула. Телефон в кармане завибрировал. Не звонок. Сообщение. От неизвестного номера. Достала. Экран вспыхнул. Одно предложение. Чёрным шрифтом на белом фоне. `«Не возвращайся в общежитие. Они уже в пути.»` Я уронила телефон на колени. Пальцы онемели. В груди метка ответила тёплой волной. Не предупреждением. Подтверждением. Они. Не полиция. Не пожарные. Не HR. Те, кто стучал в дверь. Те, чьи шаги я слышала на лестнице. Я встала. Подошла к зеркалу, висящему над раковиной. Сняла фартук. Расстегнула ворот. Узор был чётче. Дракон, свернувшийся кольцом. Фиалка в центре. Линии слегка светились. Не ярко. Тихо. Как угли в камине, который давно не топили. Застегнулась. Натянула куртку. Взяла сумку. Вышла через чёрный ход, где стояли ящики с пустыми бутылками и пахло моющим средством и сыростью. Улица встретила ночным холодом. Дождя не было. Небо очистилось. Луна светила бледно-серебристым светом. Асфальт блестел. Город спал. Или делал вид. Я пошла не к остановке. К реке. Туда, где меньше людей. Где можно дышать. Телефон снова завибрировал. Тот же номер. `«Ты не прячешься. Ты ждёшь. И время вышло.»` Я остановилась. Посмотрела на небо. На свои руки, которые ещё помнили, как останавли-

вали огонь. Метка пульсировала ровно. Не быстро. Не медленно. Как сердцебиение мира, который ждал меня двадцать лет. Я шагнула вперёд. Не к дому. Не к работе. В неизвестность. И впервые за долгое время не чувствовала усталости. Только тишину. И в ней — шёпот. *«Дочь двух кровей. Печать сломана. Мы идём.»* Я не обернулась. Знаю: они уже здесь. — Главное, — пробормотала я себе под нос, поправляя лямку сумки, — чтобы они не заставили писать объяснительную за прогул. И чтобы у них был нормальный чайник. Я не пью растворимый. Даже в апокалипсисе есть стандарты.

Глава 2.

Тень, приборы и переход, который сбился с пути.

Я направилась в парк, желая скрыться от всех. От бабы Ины, от её мужа, от стука в дверь, от конверта, который лежал во внутреннем кармане и жёг бедро, будто там тлел уголёк, а не бумага. Шла недолго. Парк был рядом, за углом, за остановкой, за ларьком с выцветшей вывеской. Надежды там не было. Остался только парк, темнота, мокрые аллеи, вымощенные тротуарной плиткой, которая давно просела и покрылась мхом, и скамейка с облупившейся краской, на которой можно просидеть до утра, если не замёрзнешь и не передумаешь жить. Ветер нёс с реки холодную сырость, пахнущую илом, водорослями и далёким дымом от костров. Куртка промокла на плечах, ботинки хлюпали, но я шла быстрее. За спиной будто кто-то дышал. Не громко. Не рядом. Просто ощущение, что пространство сжалось, а я оказалась в самом узком месте. Конверт в кармане пульсировал едва заметно, будто бился в такт моему шагу. Я знала: ждать нельзя. Если те, кто стучал, придут снова, закрывать дверь будет поздно. Или хотя бы нужно будет попросить их постучать тише, потому что соседи чутко спят, а я не хочу, чтобы полиция приехала с протоколом «о нарушении ночного спокойствия мистическими силами». Я увидела вспышки сначала издалека. Подумала

— фейерверк. Кто-то празднует. Кто-то радуется. А кто-то просто живёт, не подозревая, что привычный мир может треснуть в любую секунду, и из трещины ползет то, чему не должно быть места в реальности. Подошла ближе, стараюсь ступать тихо. Трава шуршала под подошвами, воздух был холодным, сырым, пахнущим прелыми листьями и далёкой грозой. И тогда я увидела поляну. Это был не фейерверк. Там, где летом играли в футбол, а зимой катались с горки, теперь стояли трое. Или не трое. Одного сложно было назвать человеком. Тень. Сгусток темноты, в которой угадывались очертания, но не было лица. Только пустота, которая смотрела. И тянула. Воздух вокруг неё дрожал, как над раскалённым асфальтом, но от этого места шёл холод. Глубокий, тягучий, высасывающий тепло из лёгких.

Напротив — старик в серой куртке, с прибором в руке, похожим на компас, но со стеклянной трубкой, внутри которой бегали светящиеся точки, и молодой парень в очках, которые сползали на кончик носа. Они не дрались. Они работали. Старик держал в одной руке латунную коробку с циферблатом, в другой — посох с камнем на конце, который пульсировал в такт движению стрелки. Парень крутил ручки на поясе, откуда тянулись тонкие провода к трём медным штырям, вбитым в землю треугольником. На поясе висели катушки, какие-то самодельные коробки из меди и стекла, паяные на скорую руку. Выглядело это как мастерская чудачка, заброшенная в ночной лес, только вместо шурпов и гаек

здесь настраивали невидимые стены. Они не кидались шарами. Они строили защиту. Старик рисовал в воздухе круги из тёплого света, плотные, будто сжатый воздух. Парень настраивал гудящие рамки, которые дрожали в разном такте, стараясь не пустить тень дальше. Существо отвечало тяжёлыми клубами чёрного дыма, которые шипели, касаясь земли, оставляя на траве выжженные пятна. Там, где дым ложился, мох сворачивался, ветки чернели, воздух становился тяжёлым, как вода. Я замерла. Мозг отказывался понимать. Это не сон. Не галлюцинация. Реальность раскололась, и сквозь невидимый шов лезло то, чего не должно быть. Старик бормотал, не отрываясь от прибора, голос сухой, сосредоточенный: — Поток растёт. Стрелка зашкаливает. Шов нестабилен. Каэль, добавь глушитель на третий штырь! Сила скачет, тварь питается от перепадов! — Добавляю! — парень крутил ручку, очки блестели в свете камня. Пальцы летали по кнопкам. — Но стена не держит! Такт смещается, они слишком близко к краю! Мне нужно больше времени на подгонку! Кстати, если это закончится плохо, прошу записать в завещании, что мой лучший прототип «ночного фонаря» так и не прошёл сертификацию. Он просто слишком громкий. И иногда поджигает кусты. Существо меня заметило. Не знаю, как. У него не было глаз. Не было лица. Но оно повернулось. Пустота, которая была там, где должно быть лицо, уставилась на меня. И ринулась. Не медленно. Не плавно. Рванула, как спущенная с цепи собака, которая почуяла кровь. Воздух за

ней сжался, трава примялась, холод ударил в лицо, как открытая морозилка. Я заорала. Не от страха. От шока. От того, что мир, который ещё утром был простым и понятным, вдруг показал изнанку. И эта изнанка хотела меня.

— Беги! — крикнул старик. Голос хриплый, резкий, как команда на стройке. Но ноги сами собой побежали. Не от существа. К старику. К приборам. К единственному, что казалось опорой в мире, который рушился. Инстинкт выживальщицы, которая годами бежала от проблем, а теперь бежала к тем, кто эти проблемы чинил. Старик взмахнул посохом. Камень вспыхнул. Провода на поясе парня засветились синим.

— Каэль, проход! Сейчас! — Настройки не совпали! — парень уже вытаскивал из рюкзака тяжёлую коробку, соединял провода, руки дрожали от напряжения. — Слишком много энергии! Прибор не выдержит! Если открою на полную, нас размажет по трём разным улицам! И мне не хочется объяснять патрулю, почему я оказался в другом районе с латунной коробкой и без ботинок! — Делай! Я удержу дугу! Воздух сжался. Образовался рваный круг, неровный, с зазубринами, как порванная бумага. Внутри круга замелькали искры, засветилось что-то белое, ослепительное, глушащее звук, выжигающее тени. Ветер закрутился, потянул за волосы, за куртку, за лодыжки. Я еле добежала. Ноги подкашивались. Лёгкие горели. Но я добежала. В последний момент. И всё вспыхнуло. Светом. Не ярким. Белым. Пустым. Таким, который не освещает, а стирает. Мир исчез. Остал-

ся только гул, вибрация в зубах, ощущение, что меня вывернули наизнанку и бросили в стиральную машину на максимальных оборотах. Меня крутило, тянуло в разные стороны, будто каждая косточка хотела жить своей жизнью. Я падала в никуда. Не вниз. Не вверх. Просто падала. В пустоту, в которой нет ни верха, ни низа, ни времени, ни пространства. Орала, пока голос не охрип. Пока в горле не пересохло. Пока не стало всё равно. Меня встряхнули. Грубо. Резко. Как тряпку, которую выжимают после стирки. Плечи хрустнули, голова ударилась о что-то мягкое. Пахло мхом, хвоей и озонном. — Хватить орать, — пробурчал голос. Знакомый. Тот самый, что крикнул «беги». — Я не говорил бежать к нам. Из-за тебя нас выбросило. Непонятно где. Проход я настраивал только для двоих. Настройки сбились. Сила пошла по третьему пути. Ты его открыла. И теперь я должен переписывать формулы перехода, потому что кто-то решил, что законы физики — это рекомендации, а не правила. Я открыла глаза. Вернее, попыталась. Веки были тяжёлыми, как свинец. Голова гудела. В ушах звенело, будто внутри включили старый трансформатор. В теле ныло всё: спина, рёбра, пальцы. Будто я пробежала марафон с мешком кирпичей за спиной. — Кто ты такая, — продолжал голос, уже тише, но не мягче,

— и зачем к тебе ринулась эта тень? Я села. Вернее, попыталась сесть. Тело не слушалось. Руки дрожали. Ноги подкашивались. Но я села. Оперлась ладонями о влажную землю.

Мох был холодным, живым. Огляделась. Лес. Не парк. Не город. Лес. Старые сосны, мох на корнях, папоротники, которые были выше меня. Воздух пах хвоей, влажной землёй и чем-то ещё. Электрическим. Как после грозы. Тишина была не пустой. Она была наполненной. Густой. Ждущей. Старик стоял рядом. Тот самый. В серой куртке, с посохом, который теперь выглядел не просто как палка, а как сложная вещь — на рукояти были вырезаны узоры, в камне пульсировал свет, а на поясе висели коробки, датчики, самодельные устройства из меди и стекла. Рядом сидел парень в очках. Те самые, что сползали на кончик носа. Теперь они были разбиты. Трещина шла по правой линзе. Он протирал их рукавом, бормоча что-то про «несовпадение тактов» и «нужно пересчитать нагрузку». Парень в разбитых очках наконец отложил приборы, поправил дужку и встал. Он выглядел усталым, но собрался, будто переключил внутренний тумблер. — Каэль, — сказал он чётко, будто зачитывал пункт инструкции.

— Ассистент, расчётчик, техник по полевым переходам. А это, — он кивнул на старика, — Рендейл. Мой наставник. Исследователь невидимых потоков, конструктор приборов, человек, который умеет открывать двери там, где их нет. Он тот, кто настраивал проход. Я тот, кто следил за настройками. И мы оба теперь объясним вам, почему вы светитесь, как маяк в тумане, и почему тени бросаются на вас, как мотыльки на лампу. Если вам интересно, у меня есть прототип «теневого рассеивателя». Он пока работает только на кошках,

но я верю в прогресс. Рендейл только хмыкнул, не поднимая глаз от латунной коробки. — Он любит длинные выступления, — пробормотал старик. — Но по делу: я Рендейл. Он — Каэль. А вы — третий элемент, которого в расчётах не было. — Ася, — сказала я. Голос был хриплым. Сиплым. Будто я действительно орала долго. — Меня зовут Ася. И да, я официантка. Нет, я не умею колдовать. Но умею не ронять подносы и отличать аллергию на орехи от каприза клиента. Это, поверьте, сложнее, чем ваша теневая магия. — Имя не объясняет, почему эта тень почувяла тебя за километр, — Рендейл присел на корточки, достал из кармана латунную коробку. Стрелка прыгала, зашкаливала, потом медленно ползла в жёлтую зону.

— У тебя есть эта сила?

— Я не знаю, — честно сказала я.

— У меня есть конверт. И метка на коже, которая сама по себе. И герань, которая ожила. И огонь на кухне, который я остановила водой. Но силы нет. Я официантка. Или была. Каэль фыркнул. Поправил очки. Трещина на линзе мешала, но он не снял. Он достал из кармана небольшой цилиндрический предмет, похожий на зажигалку, щёлкнул крышкой, и внутри загорелся крошечный кристалл, испуская ровное голубое свечение. — Остановила огонь водой, — повторил он, крутя прибор в пальцах. — Без обучения? Без понимания, как управлять потоком? Без знания, что такое внутреннее пути и давление? Прелестно. Просто прелестно. В моих

записях уже появилась новая глава: «Как официантка переписала учебник по термодинамике». Могу предложить тебе стажировку. Оплата — бесплатные стабилизаторы, пара шуток и гарантированное отсутствие ожогов. Ну, почти гарантированное. Я ещё тестирую защитный экран на левом запястье. Он иногда искрит, но зато красиво. — Я просто хотела, чтобы прекратилось, — пожалала я плечами. — И вода поднялась. Не по моей воле. По необходимости. И да, если вы предлагаете стажировку, уточните, входит ли в неё оплата сверхурочных. Я не работаю за «опыт». Я работаю за деньги, чай и нормальное расписание. Старик и парень переглянулись. В этом взгляде было узнавание. И усталость. — Сила внутри тебя течёт без управления, — сказал Каэль, убирая зажигалку. — Нестабильная. Но сильная. Идёт без фильтра. Как вода из открытого крана: давит сильно, но бьёт куда попало. Если не научишься её направлять, ты случайно превратишь ближайший парк в болото. Или в цветочную поляну. Зависит от настроения. А оно, судя по всему, у тебя переменчивое, как погода в этом регионе. — И открытая, — добавил Рендейл, убирая коробку. — Представь себе старый чайник. Если крышку не прижать, пар вырвется, обожжёт руки, свистит до ушей. Ты сейчас — такой чайник. А тени питаются тем паром, который вылетает бесконтрольно. — Простите, — тихо сказала я. — Простишь, когда поймёшь, что из-за тебя мы застряли неизвестно где, — Рендейл поднялся, огляделся, достал другой прибор — похожий на компас,

но с тремя стрелками, которые указывали в разные стороны, медленно вращаясь. — Проход был на двоих. Ты — третий. Нестабильный элемент. Нас выбросило. Не туда. Не знаю, где мы. Но знаю, что обратно пути нет. Пока не научу тебя держать эту силу в узде. И пока не закрою разлом, через который лезут тени. Кстати, если мы тут застряли надолго, я рекомендую застаться сухарями. И терпением. А ещё, если хочешь, я могу собрать тебе портативный датчик силы. Он будет вибрировать, когда ты начнёшь светиться слишком ярко. Чтобы ты не спалила лес. Или нас. Или мою любимую кружку. Она у меня единственная, и она не переживёт ещё один взрыв. Я кивнула. Приняла. Страх ушёл. Осталась только тяжесть в груди и странная, тихая ясность. — Что теперь? — Теперь, — Каэль уже доставал из рюкзака запасную коробку, проверял провода, — мы приведём твою силу в порядок. Иначе следующий сгусток будет не один. И не из того же разлома. А из тех, кто умеет думать. И кто уже знает, что ты светишься, как фонарь без абажура. Кстати, если выживем, научу тебя делать портативный стабилизатор. Компактный, с магнитной защёлкой. Будет крепиться на запястье. Стильно. Удобно. И спасёт тебя от случайных вспышек, которые могут спалить твою новую куртку. Или моё терпение. Оно уже на исходе, а мы даже костёр не развели. — А потом? — спросила я. — Потом, — Рендейл уже шёл вглубь леса, сверяясь с компасом, стрелки которого наконец начали сходиться к одной точке, — ты учишься дышать. Не как в ре-

сторане. Не как в общежитии. А как в лесу, где тишина — это не пустота. Это фон. Где магия — не чудо. Это работа. Настройка. И техника безопасности. Я не буду учить тебя заклинаниям. Я буду учить тебя не ломать то, что внутри. Научу тебя закрывать кран, когда нужно, и открывать его ровно настолько, сколько требуется. Я поднялась. Ноги ещё дрожали. Но держали. Спина ныла. В голове всё ещё гудело, но уже не от паники. От работы. — А если я не хочу? — Хочешь, — Каэль уже шёл следом за Рендейлом, поправляя рюкзак, проверяя катушки. — Просто ещё не поняла. Сила — это не подарок. Это труд. Физика. Порядок. И хорошие приборы. А у нас их много. И мы умеем ими пользоваться. Плюс, если ты согласишься, я покажу тебе, как работает резонансный усилитель. Он собирает рассеянную энергию и фокусирует её в узкий луч. Выглядит как медная трубка с кристаллом. На деле — как волшебная палочка, только с инструкцией по технике безопасности. Обещаю, не взорвётся. Ну, почти. И да, я умею шутить. Это часть моей медицинской страховки. Без юмора тут долго не живут. Или живут, но становятся скучными. А я не хочу быть скучным. Я хочу быть полезным. И немного обаятельным. Это не противоречит технике безопасности. Я пошла за ними. Не потому что хотела. Не потому что понимала. А потому что назад дороги не было. Вперёд — тоже. Осталось только идти. За двумя чудаками, которые знали, как чинить невидимые швы в воздухе. Которые отслеживали потоки, считали нагрузку, строили стены

и настраивали переходы. Которые теперь должны были научить меня не быть одной из этих щелей. Лес принял нас. Не сразу. Не охотно. Но принял. Воздух стал плотнее. Звук шагов приглушился. В ушах появился низкий гул. Не в голове. В груди. Ровный. Знакомый. Как метроном. Как сердцебиение мира, который ждал, пока я наконец перестану бояться и начну слушать. — Дыши, — сказал Рендейл, не оборачиваясь, продолжая сверяться с датчиком. — Не борись. Земля держит. Внутренние пути подстраиваются. Не мешай им. Я сделала глубокий вздох. Грудь сжалась. Гул усилился. Но я не остановилась. Потому что выбора не было. Потому что в кармане лежал конверт. Потому что в голове звучал шёпот. Потому что я была Асей. И я шла. И да, если они научат меня не поджигать кусты, я им куплю чай. Хороший. Не из пакетиков. Это будет мой первый шаг к магии. Или к нормальному человеческому общению. Ещё не решила.

Глава 3.

Лагерь, звери и время, которое течёт по-разному.

Запах смолы и остывшего пепла разбудил меня раньше солнца. Я открыла глаза. Над кронами уже висело бледное, почти белое небо, сквозь которое пробивались первые лучи, окрашивая туман в золотисто-серые оттенки. Белоснежный барс спал у моих ног, но уши дёргались, ловя каждый шорох за спиной. Рысь сидела на корне, не шелохнувшись, только кончик хвоста изредка касался мха. Чёрный пегас стоял у тропы, опустив голову, ноздри слегка расширены, вдыхая утреннюю свежесть. Олень дремал, но ветвистые рога были подняты, будто ловили то, что ещё не дошло до нас. Лагерь располагался в небольшой ложбине, окружённой старыми соснами с потрескавшейся корой, покрытой лишайником и мхом. Между деревьями были натянуты верёвки, на которых сушилась одежда, рядом стояли ящики с инструментами, латунные коробки, свёрнутые в брезент карты, и походная кухня из трёх камней, на которой тлели угли. Воздух здесь был иным. Не тяжёлым, как в городе. Чистым, прохладным, наполненным звуками просыпающегося леса: шорохом веток, стрекотом насекомых, далёким криком птицы, эхом которого отражалось от стволов деревьев. На земле валялись обрывки проволоки, гайки, какие-то странные механизмы, похожие на карманные часы, но с кристаллами вме-

сто стрелок, и записки на клочках бумаги, исписанные формулами, пометками вроде «не смешивать с водой» и «если задымится — отойти на три шага». Я не стала вставать сразу. Внутри ничего не требовало. Давление ушло. Осталось ровное тепло, которое не рвалось наружу, а просто шло в такт с моим собственным состоянием. Я подняла руку. Посмотрела на ладони. Те же мозоли. Та же царапина от ветки. Но под кожей больше не было шума. Только ровный гул. Как река, которая нашла русло и перестала биться о камни. Рендейл уже сидел на бревне. Не у костра. Просто на земле. Перебирал ремни на рюкзаке, проверяя крепления, подтягивая пряжки, смазывая петли небольшим количеством воска. Каэль рядом крутил ручку латунной коробки. Прибор не светился, не показывал цифр. Только тихо щёлкал, отбивая ровный такт. На земле рядом с ним лежал раскрытый журнал наблюдений, исписанный формулами, схемами, пометками на полях, чертежи каких-то механизмов, похожих на часы, но с кристаллами вместо шестерёнок. Рядом валялся странный предмет, похожий на фонарик, но с медными кольцами и надписью «прототип 7. Не включать в дождь. Или включить. Мне уже всё равно».

— Поле проснулось,

— пробормотал Каэль, не отрываясь от циферблата. — Почва теплее. Не от солнца. От присутствия. Кстати, если ты хочешь, могу показать, как работает температурный стабилизатор. Он поддерживает ровный нагрев в радиусе трёх

метров. Идеально для сушки носков. Или для приготовления яичницы. Или для того, чтобы не замёрзнуть, когда Рендейл решает идти «потрогать древний узел» в три часа ночи. Он у нас романтик. В смысле, любит холод и сырость. Я предпочитаю тепло и сухие ботинки. Рендейл кивнул. Закрыл рюкзак. Поднялся. — Собирайся. Сегодня не будет упражнений. Только разговор и дорога. Я встала. Ноги были лёгкими. Сняла ботинки, носки, постояла босыми ступнями на мху. Холод ударил, но не резкий. Знакомый. Я закрыла глаза. Сделала глубокий вздох. Выдохнула. Пульс замедлился. Нашёл свой шаг.

— Вчера ты спрашивала про возраст, — начала я, надевая обувь.

— Про эльфов и драконов. Они правда не стареют? Рендейл кивнул, не сбавляя шага, когда мы тронулись с поляны. Тропа вела через заросли папоротника, мимо валунов, покрытых зелёным налётом, к более открытому участку, где виднелись развалины каменной стены, заросшие плющом. Стена была сложена из крупных блоков, между которыми проросли корни, а на вершине сохранились остатки зубцов, когда-то служивших защитой, а теперь — местом для гнездования птиц и пристанищем для мха. — Фактически бессмертны. Не в смысле «невозможно убить». В смысле «не изнашиваются от времени». Эльф не седеет. Дракон не слабеет. Они живут веками, тысячелетиями. Смерть для них — не возраст. Это удар, выбор или уход, когда тело больше не дер-

жит дух. Поэтому они помнят всё. И несут всё. — А остальные? — спросила я. — Демоны? Гномы? Тролли? Люди? Он остановился. Повернулся. Взгляд был спокойным, но в нём читалась тяжесть того, кто давно знает ответы, но не любит их произносить.

— Демоны тоже фактически бессмертны. Но у них нет терпения. Борьба за власть. Схватки за троны, за влияние, за частоты. Они умирают не от старости. От себя. Гномы живут около семисот лет. Крепкие. Медленные. Их время течёт, как вода в глубокой шахте. Тролли — столько же. Семьсот. Они не стареют, пока держат границы. Пока помнят, зачем стоят на мосту. Он подбросил сухую ветку, смотрел, как она падает на мох. — Обычные люди — около ста пятидесяти. Если такт ровный. Если не рвут себя на части. Маги — он помолчал. — Могут дожить до шестисот. Если дар сильный. Если не тратят его на пустяки. Если умеют беречь огонь, а не жечь им всё подряд. Я замерла. Цифры не укладывались в голове. Сто пятьдесят. Семьсот. Шестьсот. Тысячи. В моём мире люди боялись морщин, искали таблетки от старости, считали дни до пенсии. А здесь время было не врагом. Оно было просто разным. Для каждого — своим. — Охренеть, — выдохнула я. — Я могу прожить около пятисот лет.

— Можешь, — Рендейл усмехнулся.

— Если перестанешь бежать. Если научишься дышать в такт с тем, что внутри. Магия не дарит годы. Она возвращает то, что ты сама отнимаешь. Стрессом. Спешкой. Стра-

хом. Ты не обязана жить дольше. Ты просто обязана жить. Я кивнула. Внутри что-то шевельнулось. Не восторг. Не страх. Просто тихое, ровное признание. Впервые за двадцать лет я не думала о том, как успеть. Я думала о том, как не испортить те годы, что у меня есть. И как не тратить их на то, что не моё. Пятисот лет. Это не подарок. Это ответственность. Чтобы не превратиться в человека, который бежит от самого себя полвека. Чтобы учиться, а не выживать. Чтобы слушать, а не кричать. Мы вернулись к лагерю. Солнце поднялось выше. Свет стал тёплым, прямым. Звери не ушли. Они просто сменили позы. Рысь легла на прогретый камень. Барс свернулся в тень сосны. Пегас стоял у дерева, опустив голову. Олень смотрел в чашу. Рендейл сел на бревно. Вытащил хлеб, сыр, вяленое мясо. Каэль разлил чай из термоса, покрытого царапинами и наклейками с техническими обозначениями. Мы ели молча. Не торопились. Не боялись опоздать. Я жевала, чувствовала вкус. Думала о том, что мир не требует от меня скорости. Он требует присутствия. — С тобой пока ничего не понятно,

— сказал Рендейл вдруг. Не глядя на меня. Просто отламывая хлеб.

— Может, ты оборотень. Или эльфы грешили. Есть в тебе что-то такое. Чувствую своим звериным чутьём. Не запах. Не сила. Такт. Он не человеческий. Не полностью. Я замерла. Кружка застыла в руках. — Чего? Ты оборотень, что ли? Рендейл поднял взгляд. Уголки глаз собрались в морщи-

ны. Не от смеха. От усталой, тихой правды. — Да. Я оборотень-дракон, если интересно. Я подавилась чаем. Закашлялась. Вытерла рот рукавом.

— Шутишь? Быть не может. Ты выглядишь как человек. В серой куртке. С посохом. С морщинами. — Облик не решает, — он пожал плечами. — Драконья кровь не требует крыльев каждый день. Оборотень не обязан выть на луну. Мы просто помним, как менять форму. Когда нужно. Когда мир просит. Я выбрал оставаться в этом теле. Оно удобнее. Меньше привлекает внимание. Больше позволяет слушать. И меньше пачкает одежду чешуёй. Ты не представляешь, как сложно отстирать драконий пот от хлопка. Я пробовал. Не советую. Он повернулся к Каэлю. Тот сидел на земле, протирая очки. — Каэль. Кто тогда? Каэль вздохнул. Поправил дужку. Надел очки. — Тоже да, — сказал он тихо. — Тот же род. Та же частота. Только я предпочитаю очки, чем когти. И журнал записей, чем огненные вспышки. Логистика удобнее магии. А расчёты надёжнее инстинктов. Кстати, если ты когда-нибудь захочешь сменить облик без боли, у меня есть прототип. Работает на кристаллической матрице. Пока глючит на левом плече, но в остальном — загляденье. Могу показать чертежи. Или хотя бы угостить чаем, пока ты решаешь, рисковать или нет. Обещаю, если что-то пойдёт не так, у меня есть мазь. И шутки на все случаи жизни. А если серьёзно, я не меняю форму. Я её настраиваю. Как радио. Только вместо волн — частоты плоти. И да, я умею флирто-

вать. Это не противоречит технике безопасности. Это просто часть сервиса. Я смотрела на них. Двоих. В серой куртке и с разбитыми стёклами. С посохом и с латунной коробкой. С усталыми плечами и спокойными голосами. И вдруг поняла: они не прячутся. Они просто выбрали тишину. Форму, которая не мешает слышать мир. Которая не пугает тех, кто ещё не готов. Которая позволяет идти рядом, а не впереди.

— А я? — спросила я.

— Что во мне? Рендейл посмотрел на мои руки. На царапину. На мозоль. На браслет, который давно перестал мигать.

— Пока не знаю, — сказал он честно. — Но лес не ошибается. Звери не подходят к тем, кто чужой. Магия не течёт через тех, кто пуст. В тебе есть линия. Старая. Глубокая. Она не просит крыльев. Не требует когтей. Она просит только одного: не заглушать то, что уже звучит. Остальное придёт. Само. Когда такт совпадёт. Каэль кивнул, закрывая журнал. — Отклик стабильный. Частота растёт медленно. Без рывков. Рекомендация: не торопить события. И взять сухие носки. Тропы будут влажные. А если серьёзно, — он подмигнул, — если ты когда-нибудь захочешь увидеть, как работает резонансная линза, просто скажи. Она фокусирует свет в точку, способную прожечь металл. Или согреть чай. Зависит от настройки. И от того, насколько ты готова к экспериментам. Могу собрать тебе персональную. С гравировкой. Или без. Твой выбор. Я не настаиваю. Но если согласишься, научу те-

бя пользоваться. И обещаю, не поджарю. Ну, почти. Я же не монстр. Я инженер с чувством юмора и склонностью к лёгкому флирту. Это не преступление. Это стиль жизни. Я рассмеялась. Не от нервов. От лёгкости, которая вдруг навалилась на плечи. Мир не требовал от меня ответов сегодня. Он просто давал дорогу. Слушать. Идти. Пятисот лет впереди. Или меньше. Или больше. Неважно. Главное — не сбиться с шага. И не забыть, зачем я вообще начала. — Завтра выступаем, — сказал Рендейл, убирая остатки еды. — До первого узла три дня. Потом — город. Допуск. Списки. Сверка. Но сначала — путь. Просто шаги. В такт. Я кивнула. Свернула куртку. Уложила вещи. Не спешила. Не боялась опоздать. Впервые за много лет я не думала о том, как быстрее закончить. Я думала о том, как правильно начать. О том, что впереди не месяцы. А десятилетия. И это больше не пугало. Это просто давало время. Время учиться. Время ошибаться. Время возвращаться к тому, что важно. Вечер опустился мягко. Не темнотой, а прохладой. Свет стал длинным, золотистым. Рендейл проверял крепления на рюкзаке. Каэль складывал приборы, аккуратно укладывая их в пенопластовые ячейки, проверяя защёлки, протирая линзы салфеткой, на которой было напечатано «не протирать глаза». Я легла на мох. Закрыла глаза. Слушала ветер в хвое, ровное дыхание зверей, собственный пульс. Никакой спешки. Никаких планов на завтра. Только тропы. Только шаги. Звери улеглись ближе. Барс положил голову мне на колени. Рысь свернулась

у пояса. Пегас встал у входа в импровизированный лагерь, словно живая стена между нами и лесом. Олень отошёл в сторону, но не скрылся. Просто стоял на границе света и тени. Я уснула без мыслей о завтра. Только с тихим знанием: путь будет долгим. И я готова его пройти. Не как беглец. Не как гость. Как та, кто наконец поняла, куда идёт. И зачем. И да, если они научат меня не поджигать кусты, я им куплю чай. Хороший. Не из пакетиков. Это будет мой первый шаг к магии. Или к нормальному человеческому общению. Ещё не решила. Но у меня есть время. Много времени. И это, кажется, самое лучшее, что со мной случилось. Даже если оно началось с конверта без марки и огня на кухне.

Глава 4.

Утро, что не стучит в дверь.

Утро в Запретном лесу не стучало в дверь. Оно просто приходило. Свет пробивался сквозь переплетение ветвей тонкими золотыми полосками, ложился на влажный мох, на потрескавшуюся кору, на спящих зверей, чьи боки мерно поднимались и опускались. Я открыла глаза не от звука, а от тепла. Тяжёлое, ровное, живое. Белоснежный барс лежал у моего бока, его шерсть пахла хвоей и чем-то диким, но спокойным. Золотая рысь свернулась у ног, хвост обвивал щиколотку, будто живая оплётка. Чёрный пегас стоял чуть в стороне, опустив голову, но уши двигались, ловя каждый шорох за спиной. Олень с ветвистыми рогами дремал у края поляны, будто сторож, который давно сменил вахту, но решил остаться до конца. Я не сразу пошевелилась. Боялась спугнуть момент. В общежитии любое лишнее движение могло разбудить соседей, запустить цепную реакцию ругани, шума, просьб «потерпи». Здесь движение ничего не ломало. Оно просто было частью утра. Как дыхание. Как свет. Рендейл уже не спал. Он сидел у небольшого костра, помешивал палкой в чугунном котелке, где тихо булькала вода. Над поляной вился тонкий дымок, пахнувший смолой и сушёными листьями. Каэль возился с приборами, привычно поправляя дужку раз-

битых очков, хотя знал, что в этом лесу линзы бесполезны. Просто привычка. Просто способ занять руки, когда мозгу нечего измерить. Рядом с ним лежал раскрытый журнал наблюдений, исписанный формулами, схемами, пометками на полях вроде «не смешивать с росой» и «если задымится

— отойти на три шага». На земле валялись обрывки медной проволоки, гайки, какие-то странные механизмы, похожие на карманные часы, но с кристаллами вместо стрелок, и записки на клочках бумаги, скреплённые воском.— Подъём, — сказал Рендейл, не оборачиваясь.

— Чай готов. Я медленно села. Барс открыл один глаз, зевнул, показав белые клыки, но не отошёл. Рысь потянулась, выпрямила спину, махнула хвостом. Пегас фыркнул, топнул копытом. Будто давали разрешение просыпаться. Чай был горячим, горьким, пахнувшим хвоей и травой, которую Рендейл достал из свёртка. Я пила медленно, чувствуя, как тепло спускается по горлу, согревает живот, расслабляет плечи. Каэль сидел на пне, протирал стёкла тряпкой.— Расскажи мне про этот мир, — попросила я, ставя кружку на камень.— Не про магию. Не про силу. Про то, как здесь живут. Кто здесь есть. Рендейл подбросил ветку в огонь. Искры взлетели вверх, растворились в утреннем тумане.— Этот мир называется Эльтаниор, — начал он тихо. — Старое слово. На древнем наречии значит «место, где слышно сердце земли». Здесь нет стран, как у вас. Нет границ, нарисованных на картах. Есть места. Леса. Реки. Горы. Долины. И каждое место

живёт по-своему.

— Кто здесь живёт? — спросила я. Рендейл усмехнулся, но в усмешке не было лёгкости. Только память.

— Те, кого в ваших книгах зовут эльфами, драконами, гномами, тролями, орками, демонами, магами — он перечислял спокойно, без пафоса.

— Для нас они не персонажи. Они народы. Каждый со своим характером, со своей правдой. Эльфы помнят каждый лист и каждое слово, сказанное под их ветвями. Драконы не хранят золото. Они хранят тепло земли и старые обещания. Гномы читают камень, как вы читаете страницы. Троли держат мосты и границы, следят, чтобы тропы не зарастали. Орки не воюют просто так — они защищают то, что им дорого, и помнят, чья земля. Демоны — он помедлил. — Это не зло в ваших сказках. Это те, кто выбрал иной путь, ушёл в тень, но остался частью круга. Маги просто умеют слышать поток громче других. — И их много? — спросила я. Рендейл покачал головой. Взгляд стал тяжёлым, как влажный камень после дождя. — Раньше — да. Мир был полон. Звучал. Дышал в полную грудь. Но была война. Последняя. Не за земли. Не за власть. За самую возможность дышать магией. Стороны забыли, зачем начали. Остался только пепел и тишина. После неё их очень мало. Те, кто выжил, спрятались. Ушли в глушь. Перестали выходить на свет. Некоторые растворились в стихиях. Некоторые спят. Лес помнит тех, кто ушёл. И ждёт тех, кто вернётся. Или тех, кто научится слушать за-

ново.— А эльфы и драконы? — спросила я. — В книгах они живут вечно.— Фактически бессмертны, — кивнул Рендейл.— Не в смысле «невозможно убить». В смысле «не стареют». Эльф не седеет от лет. Дракон не слабеет от времени. Они могут жить веками, тысячелетиями. Смерть для них — не возраст. Это удар, выбор, или уход, когда тело больше не держит дух. Из-за этого они помнят больше. Но и носят больше. Война для них — не одно поколение боли. Это рана, которая не затягивается, потому что они не забывают. Поэтому после войны многие ушли в тишину. Не от страха. От усталости. Каэль кашлянул. Поправил очки.— Технически, это не магия бессмертия, — пробормотал он, крутя в пальцах небольшой цилиндрический предмет, похожий на зажигалку. — Это природный такт. Их тела не изнашиваются так, как наши. Частота другая. Медленнее. Глубже. Кстати, если эльфы действительно помнят каждый лист, они, вероятно, ведут учёт фотосинтеза. Или просто очень хорошо умеют хранить обиды.— Именно, — Рендейл кивнул. — Поэтому они не спешат. Не торопят время. Учат терпению. И помнят, что каждый шаг имеет вес.— А как они общаются? — спросила я. — У них один язык? Или каждый говорит по-своему? Рендейл кивнул, подбрасывая ветку в огонь.— И то, и другое. Есть общий язык. На нём говорят все. Торговцы, путешественники, те, кто выходит в города или встречается у переправ. Он простой, прямой, без лишних витков. На нём легко договориться, продать, купить, попросить помо-

щи, объяснить дорогу. Им владеют практически все, кто живёт за пределами глухих лесов. Но у каждого народа — свой родной язык. Эльфийский течёт плавно, с длинными слогами и мягкими переходами. Гномий отбивает такт, будто молот по наковальне, чёткий и твёрдый. Орки говорят гортанно, коротко, без лишних слов. Дракониий — это не только звуки, это низкий гул, который чувствуется в груди, а не только в ушах. Демоны шепчут на своём, тролли перекликаются глубокими гортанными перекличками. Они используют свои языки дома, среди своих, в старых песнях, в заветах, в молитвах. Общий — для мира. Свой — для души и памяти. — И все понимают оба? — уточнила я. — Те, кто живёт в городах или ходит по тропам — да, — ответил Рендейл. — Дети учат оба. Сначала свой, от родителей, от семьи. Потом общий, от соседей, от рынка, от учителей. Забыть свой — значит потерять корни. Не знать общего — остаться в глуши. После войны многие ушли в свои земли, говорили только на своём. Но те, кто остался в общих поселениях, помнят оба. И переключаются между ними, как между сменой погоды. Без усилий. — А как здесь живут? — спросила я. — У них есть города? — Есть, — кивнул Рендейл. — И крупные. Для каждого народа. Эльфийские города — это не маленькие деревушки. Это целые ярусы деревьев, соединённые живыми мостами, с площадями, мастерскими, библиотеками, вырезанными прямо в коре. Гномьи города — огромные горные цитадели, где улицы идут по спирали вниз, вглубь камня, а

свет дают кристаллы и огонь. Орки строят долины-крепости, где каждый дом знает своё место, а центральные площади собирают сотни семей. Драконьи пристани — высокие террасы на скалах, где ветер не мешает, а помогает, а в нижних ярусах живут те, кто ещё не принял крылья. Тролли держат переправы, демоны — тенистые кварталы у старых костров, маги — башни и сады, где воздух густеет от концентрации. Он подбросил ещё ветку. — Города живые. Там шумят рынки, работают кузнецы, учат детей, пекут хлеб, спорят, мирятся, праздную. Это не заповедники. Это дома. Просто они растут не против земли, а вместе с ней. — А те, кто не любит города? — спросила я. — Кто хочет тишины? — Уходят дальше, — Рендейл пожал плечами. — Кто любит молчание, те селятся в глубине лесов, на высоких перевалах, у тихих озёр, в пещерах, где эхо не отвлекает, а убаюкивает. Там нет рынков. Нет общих дорог. Только тропы, которые помнят редкие шаги. Город — для связи. Глушь — для покоя. И те, и другие нужны. Мир держится на обоих. — Тут есть всё, — продолжил Рендейл, глядя на угли. — Всё, кроме сложных машин. Никаких заводов, паровых котлов, проводов, что режут небо, экранов, что заменяют глаза. Мы обошлись без них. Раньше магия заменяла то, что у вас делают двигатели и шестерни. Ветер крутил мельницы, вода точила камень, огонь грел дома, земля давала урожай. Но магический фон падает. Медленно. Неудержимо. Как вода из треснувшего сосуда. После войны разрывы в поле не зажили.

Магия уходит вглубь, прячется, слабеет. Поэтому мы учимся жить проще. Поэтому едим то, что есть. Поэтому искусство стало тише, а города — меньше. Мы не строим против мира. Мы подстраиваемся под него. И ждём, пока такт вернётся. Или пока научимся дышать без него. — А что они едят? — спросила я, переводя тему на знакомое. — Чем живут? Рендейл рассмеялся. — А что, ты думала, эльфы питаются росой, а драконы глотают камни? — он усмехнулся, подбрасывая ветку в костёр. — Нет, Ася. Все жрут то же, что и люди. Хлеб. Мясо. Овощи. Фрукты. Каши. Супы. Эльфы любят ягоды и мёд. Гномы — сытную еду: тушёное мясо, корнеплоды, крепкий хлеб. Орки — много мяса, много хлеба, много всего. Драконы — он хмыкнул. — Драконы едят как все, просто в больших количествах. Когда они в человеческом облике, разумеется. Каэль кивнул, поправляя очки. — Биологически они не так уж отличаются, — пробормотал он. — Пищеварение работает похоже. Разница только в предпочтениях и в том, сколько кому нужно. Кстати, если драконы действительно едят так много, их желудки, вероятно, оснащены внутренней системой компенсации гравитации. Или просто очень хорошим аппетитом. Я бы выбрал второе. Меньше чертежей. — Именно, — Рендейл усмехнулся. — Магия не меняет желудок. После войны еды стало меньше, так что все едят то, что есть. Без изысков. Без ритуалов. Просто еда. Чтобы жить. Чтобы силы были. Я посмотрела на свои руки. Обычные. С мозолями. Я думала о ресторане. О горах по-

суды. О еде, которую выбрасывали. О деньгах, которых всегда не хватало. А здесь еда была просто едой. Не товаром. Не статусом. Просто тем, что держит тебя на ногах.— А у них есть искусство? — спросила я. — Музыка? Рисунки?— Есть, — Рендейл улыбнулся. — Но не такое, как у вас. Эльфы не рисуют. Они выращивают узоры на коре. Ветви тянутся к свету так, что в них видны старые песни. Драконы не танцуют. Их полёт — это кисть на небе. Гномы высекают не статуи. Они слушают камень и убирают лишнее, пока не останется то, что камень хотел сказать. Демоны плетут тени в узоры, которые меняются с ветром. Здесь искусство не создают. Оно живёт. Не нужно идти в музей. Не нужно покупать билет. Достаточно остановиться. Посмотреть. Услышать. Он замолчал. Посмотрел на звёзды, которые пробивались сквозь ветви.

— После войны искусство стало тише. Не исчезло. Просто перестало кричать. Научилось шептать. Может, именно поэтому мы здесь и сидим. Чтобы услышать шёпот. Я закрыла глаза. Вспомнила город. Выставки, на которые не хватало времени. Концерты, куда не доставали деньги. Книжки, которые покупала, но не читала. Искусство, которое стало товаром. А здесь искусство было просто жизнью. И памятью о тех, кто остался.— А как они учатся? — спросила я. — У них есть школы?— Не такие, как у вас, — Рендейл покачал головой. — Здесь не учат по книгам. Не ставят оценки. Не делят на «умных» и «глупых». Здесь учатся у мира. Эльф показы-

вает дереву, как тянуться к свету. Река учит рыбу плыть. Ветер учит птицу летать. Не словами. Примером. Если ты готов — мир откроется. Если нет — подождёт. Ошибки не наказывают. Их проходят. После войны это стало важнее всего. Ошибка — не провал. Это шаг, который учит не повторять старого. Я подумала о школе. О красном дипломе. О страхе получить четвёрку. О преподавателях, которые ставили оценки, но не учили. О мире, где ошибка — это клеймо. А здесь ошибка была просто уроком. Другим. Не правильным. Не неправильным. Просто нужным. — А смерть? — спросила я тихо. — Что здесь происходит, когда кто-то уходит? Рендейл помолчал. Долго. Огонь трещал. Ветер шевелил ветви. — Здесь не боятся смерти, — сказал он наконец. — Не празднуют. Не скорбят так, как вы. Когда эльф уходит — он становится ветром. Когда дракон засыпает навечно — его чешуя становится камнем, который хранит тепло. Когда орк падает — его тело кормит долину, его имя живёт в песнях тех, кто остался. Демоны растворяются в тенях. Маги те, кто ушёл, просто перестают быть отдельными. Возвращаются в поток. Здесь нет конца. Есть изменение. Переход. Возвращение. Он посмотрел на меня. — В вашем мире смерть — это стена. Здесь — это дверь. Не страшная. Просто другая. Особенно сейчас, когда нас мало. Каждый уход — это память. А память — это то, что держит мир от распада. Я почувствовала, как по щеке скатилась слеза. Не от горя. От странного, тихого облегчения. В мире, где я жила, смерть была

концом. Точкой. Здесь она была частью круга. И после войны этот круг стал тоньше. Но не порвался.— Расскажи ещё, — попросила я. — Про языки. Про то, как они звучат. Рендейл улыбнулся. Тихо. Тепло.— Древний язык Эльтаниора не произносят. Его поют. Не нотами. Дыханием. Каждое слово — это вибрация. Каждое предложение — это такт. Эльфы говорят плавно, как вода по камням. Драконы — низко, как гудит земля. Гномы отбивают удары. Орки отвечают эхом. Но все слова связаны. Как корни под землёй. Как тропы после дождя. Он наклонился. Провёл пальцем по земле.— Хочешь услышать? Я кивнула. Рендейл закрыл глаза. Сделал глубокий глоток воздуха. Медленный. И запел. Это не было песней. Не было мелодией. Это было дыхание. Низкий звук, который шёл из груди, вибрировал в горле, выходил губами. Не слова. Не слоги. Просто звук. Но в нём было всё. Земля. Вода. Огонь. Воздух. Жизнь. Смерть. Тишина. Шум. Память о тех, кто ушёл. И надежда на тех, кто остался. Я закрыла глаза. Услышала не ушами. Телом. Вибрация прошла по коже. Вошла в грудь. Остановила сердце на миг. Потом запустила снова. Медленнее. Ровнее. Когда Рендейл замолчал, я открыла глаза. Звери смотрели на него. Не с восхищением. С признанием. Будто он сказал что-то важное. Не мне. Им. Миру.— Что это было? — прошептала я.— Приветствие, — Рендейл улыбнулся. — На древнем языке. Значит: «Я здесь. Я слышу. Я помню. Я благодарен».— А если бы я ответила?— Мир бы услышал, — он кивнул. — Не обя-

зательно словами. Достаточно такта. Дыхания. Присутствия. После войны голоса стали тише. Но эхо всё ещё ловит тех, кто говорит честно. Я посмотрела на свои руки. На землю. На звёзды. На зверей. И поняла: я не в чужом мире. Я дома. Просто забыла, как говорить с домом. А теперь учусь. — Научишь? — спросила я. Рендейл кивнул. — Когда будешь готова. Не раньше. Мир не учит тех, кто спешит. Только тех, кто слушает. И помнит. Я легла на мох. Закрыла глаза. Слушала. Ветер. Дыхание зверей. Тихий треск огня. И где-то глубоко, под землёй, под корнями, под камнями — тихий голос мира. Древний. Мудрый. Ждущий. Помнящий. Эльтаниор не был далёким. Он был рядом. Просто требовал тишины, чтобы его услышать. А тишина — то, чего мне наконец хватило. Потому что даже правда начинается не с урока. А с момента, когда ты перестаёшь бояться земли под ногами. И понимаешь: сказки не выдумки. Они просто ждут, пока ты вырастешь достаточно, чтобы поверить не в магию. А в память. В тишину. В тех, кто остался. Лес вздохнул. И отступил. Поляна удерживала тепло. А внутри меня такт наконец совпал с тем, что всегда текло рядом. И этого, как ни странно, было достаточно. Чтобы уснуть без будильника.

Глава 5.

Утро, лад и первые попытки.

Запах смолы и остывшего пепла разбудил меня раньше солнца. Я открыла глаза. Над кронами уже висело бледное, почти белое небо. Белоснежный барс спал у моих ног, но уши дёргались, ловя каждый шорох за спиной. Рысь сидела на корне, не шелохнувшись, только кончик хвоста изредка касался мха. Чёрный пегас стоял у тропы, опустив голову, ноздри слегка расширены. Олень дремал, но ветвистые рога были подняты, будто ловили то, что ещё не дошло до нас. Я не стала вставать сразу. Внутри ничего не требовало. Давление ушло. Осталось ровное тепло, которое не рвалось наружу, а просто шло в унисон с моим собственным состоянием. Я подняла руку. Посмотрела на ладони. Те же мозоли. Та же царапина от ветки. Но под кожей больше не было шума. Только ровный гул. Как река, которая нашла русло и перестала биться о камни. Рендейл уже сидел на бревне. Не у костра. Просто на земле. Перебирал ремни на рюкзаке, проверяя крепления. Каэль рядом крутил ручку латунной коробки. Прибор не светился, не показывал цифр. Только тихо щёлкал, отбивая ровный звук.

— Поле проснулось, — пробормотал Каэль, не отрываясь от циферблата.

— Почва теплее. Не от солнца. От присутствия. Рендейл

кивнул. Закрыв рюкзаки. Поднялся.

— Собирайся. Сегодня не будет упражнений. Только разговор и дорога. Я встала. Ноги были лёгкими. Сняла ботинки, носки, постояла босыми ступнями на мху. Холод ударил, но не резкий. Знакомый. Я закрыла глаза. Сделала глубокий глоток свежего воздуха. Медленно выпустила его. Пульс замедлился. Нашёл свой шаг. — Вчера ты спрашивала про возраст, — начала я, надевая обувь. — Про эльфов и драконов. Они правда не стареют? Рендейл кивнул, не сбавляя шага, когда мы тронулись с поляны. — Фактически бессмертны. Не в смысле «невозможно убить». В смысле «не изнашиваются от времени». Эльф не седеет. Дракон не слабеет. Они живут веками, тысячелетиями. Смерть для них — не возраст. Это удар, выбор или уход, когда тело больше не держит дух. Поэтому они помнят всё. И несут всё. — А остальные? — спросила я.

— Демоны? Гномы? Тролли? Люди? Он остановился. Повернулся. Взгляд был спокойным, но в нём читалась тяжесть того, кто давно знает ответы, но не любит их произносить. — Демоны тоже фактически бессмертны. Но у них нет терпения. Борьба за власть. Схватки за троны, за влияние, за частоты. Они умирают не от старости. От себя. Гномы живут около семисот лет. Крепкие. Медленные. Их время течёт, как вода в глубокой шахте. Тролли — столько же. Семьсот. Они не стареют, пока держат границы. Пока помнят, зачем стоят на мосту. Он подбросил сухую ветку, смотрел, как она

падает на мох. — Обычные люди — около ста пятидесяти. Если лад ровный. Если не рвут себя на части. Маги — он помолчал. — Могут дожить до шестисот. Если дар сильный. Если не тратят его на пустяки. Если умеют беречь огонь, а не жечь им всё подряд. Я замерла. Цифры не укладывались в голове. Сто пятьдесят. Семьсот. Шестьсот. Тысячи. В моём мире люди боялись морщин, искали таблетки от старости, считали дни до пенсии. А здесь время было не врагом. Оно было просто разным. Для каждого — своим. — Охреть, — выдохнула я. — Я могу прожить около пятисот лет. — Можешь, — Рендейл усмехнулся. — Если перестанешь бежать. Если научишься дышать в унисон с тем, что внутри. Магия не дарит годы. Она возвращает то, что ты сама отнимаешь. Стрессом. Спешкой. Страхом. Ты не обязана жить дольше. Ты просто обязана жить. Я кивнула. Внутри что-то шевельнулось. Не восторг. Не страх. Просто тихое, ровное признание. Впервые за двадцать лет я не думала о том, как успеть. Я думала о том, как не испортить те годы, что у меня есть. И как не тратить их на то, что не моё. Пятисот лет. Это не подарок. Это ответственность. Чтобы не превратиться в человека, который бежит от самого себя полвека. Чтобы учиться, а не выживать. Чтобы слушать, а не кричать. Мы вернулись к лагерю. Солнце поднялось выше. Свет стал тёплым, прямым. Звери не ушли. Они просто сменили позы. Рысь легла на прогретый камень. Барс свернулся в тень сосны. Пегас стоял у дерева, опустив голову. Олень смотрел в чашу. Рен-

дейл сел на бревно. Вытащил хлеб, сыр, вяленое мясо. Каэль разлил чай. Мы ели молча. Не торопились. Не боялись опоздать. Я жевала, чувствовала вкус. Думала о том, что мир не требует от меня скорости. Он требует присутствия. — С тобой пока ничего не понятно, — сказал Рендейл вдруг. Не глядя на меня. Просто отламывая хлеб. — Может, ты оборотень. Или эльфы грешили. Есть в тебе что-то такое. Чувствую своим звериным чутьём. Не запах. Не сила. Звучание. Оно не человеческое. Не полностью. Я замерла. Кружка застыла в руках. — Чего? Ты оборотень, что ли? Рендейл поднял взгляд. Уголки глаз собрались в морщины. Не от смеха. От усталой, тихой правды. — Да. Я оборотень-дракон, если интересно. Я подавилась чаем. Закашлялась. Вытерла рот рукавом. — Шутишь? Быть не может. Ты выглядишь как человек. В серой куртке. С посохом. С морщинами. — Облик не решает, — он пожал плечами. — Драконья кровь не требует крыльев каждый день. Оборотень не обязан выть на луну. Мы просто помним, как менять форму. Когда нужно. Когда мир просит. Я выбрал оставаться в этом теле. Оно удобнее. Меньше привлекает внимание. Больше позволяет слушать. Он повернулся к Каэлю. Тот сидел на земле, протирал очки.

— Каэль. Кто тогда? Каэль вздохнул. Поправил дужку. Надел очки. — Тоже да, — сказал он тихо.

— Тот же род. Та же частота. Только я предпочитаю очки, чем когти. И журнал записей, чем огненные вспышки. Логи-

стика удобнее магии. А расчёты надёжнее инстинктов. Кстати, если ты когда-нибудь захочешь сменить облик без боли, у меня есть прототип. Работает на кристаллической матрице. Пока глючит на левом плече, но в остальном — загляденье. Могу показать чертежи. Или хотя бы угостить чаем, пока ты решаешь, рисковать или нет. Обещаю, если что-то пойдёт не так, у меня есть мазь. И шутки на все случаи жизни. А если серьёзно, я не меняю форму. Я её настраиваю. Как радио. Только вместо волн — частоты плоти. И да, я умею флиртовать. Это не противоречит технике безопасности. Это просто часть сервиса. Я смотрела на них. Двоих. В серой куртке и с разбитыми стёклами. С посохом и с латунной коробкой. С усталыми плечами и спокойными голосами. И вдруг поняла: они не прячутся. Они просто выбрали тишину. Форму, которая не мешает слышать мир. Которая не пугает тех, кто ещё не готов. Которая позволяет идти рядом, а не впереди. — А я? — спросила я.

— Что во мне? Рендейл посмотрел на мои руки. На царапину. На мозоль. На браслет, который давно перестал мигать.

— Пока не знаю, — сказал он честно. — Но лес не ошибается. Звери не подходят к тем, кто чужой. Магия не течёт через тех, кто пуст. В тебе есть линия. Старая. Глубокая. Она не просит крыльев. Не требует когтей. Она просит только одного: не заглушать то, что уже звучит. Остальное придёт. Само. Когда звучание совпадёт. Каэль кивнул, закрывая жур-

нал. — Отклик стабильный. Частота растёт медленно. Без рывков. Рекомендация: не торопить события. И взять сухие носки. Тропы будут влажные. А если серьёзно, — он подмигнул, — если ты когда-нибудь захочешь увидеть, как работает резонансная линза, просто скажи. Она фокусирует свет в точку, способную прожечь металл. Или согреть чай. Зависит от настройки. И от того, насколько ты готова к экспериментам. Могу собрать тебе персональную. С гравировкой. Или без. Твой выбор. Я не настаиваю. Но если согласишься, научу тебя пользоваться. И обещаю, не поджарю. Ну, почти. Я же не монстр. Я инженер с чувством юмора и склонностью к лёгкому флирту. Это не преступление. Это стиль жизни. Я рассмеялась. Не от нервов. От лёгкости, которая вдруг навалилась на плечи. Мир не требовал от меня ответов сегодня. Он просто давал дорогу. Слушать. Идти. Пятисот лет впереди. Или меньше. Или больше. Неважно. Главное — не сбиться с шага. И не забыть, зачем я вообще начала. Прежде чем мы собрались в путь, Рендейл кивнул в сторону поляны. — Попробуй. Без напряжения. Без усилий. Просто позволь. Я шагнула на траву. Огляделась. Ветер. Трава. Вода в ручье. Угли в костре. Вспомнила, как в ресторане вода сама поднималась, и решила попробовать повторить, но по-другому. Не по необходимости. По интересу. Сначала ветер. Я вытянула руку, представила, как воздух обтекает пальцы. Ничего не произошло. Только ветка шелохнулась. — Технически, — заметил Каэль, не отрываясь от своих проводов, — если ты

машешь рукой, как мельница, ветер думает, что ты прогоняешь назойливую осу. Попробуй не махать. Просто согласишься с тем, что он уже есть. — Я и согласилась, — буркнула я. — Он просто решил, что я скучная. Попробовала с травой. Присела, провела пальцами по земле. «Расти», — подумала я. Трава молчала. Один стебелёк чуть вытянулся, потом передумал. — Биологически, — Каэль поправил очки, — растения реагируют на спектр света и влажность, а не на мысленные приказы. Но если очень хочется, можешь представить, что ты лейка. Без напора. С любовью. И без крика «быстро». — Я не кричу, — огрызнулась я. — Я мысленно прошу. — Разница, — кивнул Рендейл, — в том, просишь ты или требуешь. Магия не слуга. Она соседка. Я перевела взгляд на ручей. Вода текла спокойно. Я попробовала направить её чуть быстрее, подтолкнуть поток. Вода замедлилась. Совсем. Потом лениво потекла в другую сторону, будто обиделась. — Поздравляю, — Каэль хмыкнул. — Ты только что организовала водный бунт. Рекомендация: извинись. Или хотя бы не смотри на неё так, будто она твоя бывшая.

— Я не умею извиняться перед водой, — вздохнула я. — Начни с «спасибо, что течёшь», — подсказал Рендейл. — Остальное придёт. Последним был огонь. Я подбросила сухую ветку в тлеющие угли, сосредоточилась. «Гори ярче». Угли вспыхнули, потом чихнули дымом и вернулись к серому. — Термодинамика, — Каэль развёл руками, — требует кислорода, топлива и температуры. Магия тут как спич-

ка: если ты пытаешься зажечь её силой, она гаснет. Если да-
ёшь ей пространство — она разгорается. Кстати, если ты ко-
гда-нибудь захочешь согреть чай без костра, у меня есть про-
тотип инфракрасной подставки. Работает от кристалла. Без-
опасно. И, между прочим, отлично смотрится на запястье.
Могу сделать с гравировкой твоего имени. Или без. Я не на-
стаиваю. Но если согласишься на тестирование, обещаю не
обжечься. И не буду приставать. Ну, почти не буду. Я рассме-
ялась. Сняла напряжение с плеч. Перестала требовать. Про-
сто села. Положила ладони на колени. Послушала, как ветер
шевелит листву, как вода журчит по камням, как трава ти-
хо тянется к свету, как угли тлеют, ожидая своей очереди.
Не пыталась управлять. Просто была рядом. И вдруг внутри
что-то щёлкнуло. Не громко. Не резко. Просто открылось.
Ветер подул чуть сильнее. Трава выпрямилась. Ручей забегал
веселее. Угли вспыхнули ровным, тёплым жаром. Не от моей
команды. От моего согласия. Каэль кивнул, записывая что-то
в журнал. — Отклик стабильный. Лад растёт медленно. Без
рывков. Рекомендация: не торопить события. И взять сухие
носки. Тропы будут влажные. И, кстати, если ты когда-ни-
будь захочешь увидеть, как работает инфракрасная подстав-
ка, просто скажи. Она фокусирует тепло в точку, способную
согреть чай. Или руки. Зависит от настройки. И от того, на-
сколько ты готова к экспериментам. Могу собрать тебе пер-
сональную. С гравировкой. Или без. Твой выбор. Я не на-
стаиваю. Но если согласишься, научу тебя пользоваться. И

обещаю, не поджарю. Ну, почти. Я же не монстр. Я инженер с чувством юмора и склонностью к лёгкому флирту. Это не преступление. Это стиль жизни. Я рассмеялась. Не от нервов. От лёгкости, которая вдруг навалилась на плечи. Мир не требовал от меня ответов сегодня. Он просто давал дорогу. Слушать. Идти. Пятисот лет впереди. Или меньше. Или больше. Неважно. Главное — не сбиться с шага. И не забыть, зачем я вообще начала. — Завтра выступаем, — сказал Рендейл, убирая остатки еды. — До первого узла три дня. Потом — город. Допуск. Списки. Сверка. Но сначала — путь. Просто шаги. В унисон. Я кивнула. Свернула куртку. Уложила вещи. Не спешила. Не боялась опоздать. Впервые за много лет я не думала о том, как быстрее закончить. Я думала о том, как правильно начать. О том, что впереди не месяцы. А десятилетия. И это больше не пугало. Это просто давало время. Время учиться. Время ошибаться. Время возвращаться к тому, что важно. Вечер опустился мягко. Не темной, а прохладой. Свет стал длинным, золотистым. Рендейл проверял крепления на рюкзаке. Каэль складывал приборы. Я легла на мох. Закрыла глаза. Слушала ветер в хвое, ровное дыхание зверей, собственный пульс. Никакой спешки. Никаких планов на завтра. Только тропы. Только шаги. Только звучание. Звери улеглись ближе. Барс положил голову мне на колени. Рысь свернулась у пояса. Пегас встал у входа в импровизированный лагерь, словно живая стена между нами и лесом. Олень отошёл в сторону, но не скрылся. Просто

стоял на границе света и тени. Я уснула без мыслей о завтра. Только с тихим знанием: путь будет долгим. И я готова его пройти. Не как беглец. Не как гость. Как та, кто наконец поняла, куда идёт. И зачем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.